

Общие проблемы социального развития России

**Т.И.Заславская,
действительный член РАН,
Интерцентр**

Социальные результаты реформ и задачи социальной политики

Немного истории

Уважаемые коллеги, около пяти лет назад Интерцентр начал реализацию крупного исследовательского и организационного проекта в рамках направления, называемого *россиеведением*. Латентной целью этого проекта было создание специфического "невидимого колледжа", объединяющего ученых, фундаментально, творчески изучающих постсоциалистическую трансформацию российского общества на широком историческом фоне. С этой целью использовались два механизма — конкурсы научных проектов на получение грантов и проведение ежегодных симпозиумов "Куда идет Россия?". К сожалению, фонда на предоставление грантов хватило лишь на два года, после чего Интерцентру пришлось ограничиться проведением симпозиумов. Зато эта часть проекта вполне удалась. Тот факт, что этот симпозиум уже пятый, причем значительное число собравшихся участвуют далеко не в первом симпозиуме, свидетельствует о том, что "невидимый россияведческий колледж" действительно формируется и функционирует.

Стратегические цели современного россияведения можно формулировать по-разному. Лично я вижу их в том, чтобы:

выработать единое научное представление о строении ("осях", направлениях, ориентирах и элементах) пространства, в котором протекает постсоциалистический трансформационный процесс,

надежно и объективно оценить векторы трансформации российского общества в этом пространстве;

выявить факторы, условия и механизмы, определяющие сущность трансформационного процесса в России;

определить спектр возможных траекторий дальнейшего развития российского общества на средне- и долгосрочную перспективу и оценить сравнительную вероятность их реализации;

обосновать стратегии экономического, политического и социального управления, направленного на преодоление кризиса и возрождение России.

Названные задачи чрезвычайно сложны, носят долгосрочный характер и могут быть решены только коллективными усилиями исследователей, связанных не внешними организационными формами, а научным взаимопониманием, взаимным интересом, сходством или хотя бы совместимостью методологических подходов. Возникновению такого неформального коллектива, на мой взгляд, в известной мере способствуют и симпозиумы "Куда идет Россия?". К настоящему времени определились такие отличительные черты этих симпозиумов, как:

стремление к выработке целостного междисциплинарного видения трансформационного процесса в России на основе диалога различных наук;

анализ современного положения на фоне исторического прошлого России и особенностей ее культуры;

рассмотрение России в качестве элемента мирового сообщества с учетом как специфики ее положения, так и глобальных тенденций общецивилизационного развития;

взаимосвязанный анализ теоретических и эмпирических, макро- и микросоциальных проблем;

преимущественное внимание к фундаментальным и долгосрочным исследованиям, позволяющим прогнозировать дальнейшее развитие трансформационного процесса в России.

Как многие помнят, наш первый симпозиум состоялся через два месяца после октябрьских событий 1993 г. и непосредственно после драматического поражения демократов на выборах в Государственную Думу. Представления большинства его участников о целях и направлениях осуществляемых преобразований в тот момент были весьма расплывчаты и размыты. Для оценки их социальной сущности одни пытались использовать формационный подход (рассуждая в терминах социализма — капитализма), другие предпочитали подход цивилизационный (используя понятия традиционного, индустриального и информационного общества), третьи же акцентировали особость России (как правило, без четкой спецификации ее сути, критериев и динамики). Предлагались и

более частные критерии оценки направлений и результатов реформ, отражавшие разные стороны процессов демократизации и либерализации общества. Особенно запомнилось всеобщее ощущение переломности переживаемого момента Россия находилась тогда "в точке неопределенности", из которой могла двинуться в любом направлении, включая реставрацию советской системы, пусть и в видоизмененной форме¹.

Четыре года радикальных реформ принципиально изменили ситуацию Институты власти и собственности, во многом определяющие социальный тип общества, претерпели необратимые качественные преобразования. В связи с этим выбор альтернатив дальнейшего развития России существенно сузился. Хотя исправление наиболее адидозных ошибок, допущенных в ходе приватизации, не исключено, общее направление трансформации российского общества уже более или менее задано.

Другое существенное отличие от ситуации 1993 г. заключается в расширении наших знаний о трансформационном процессе в России и других постсоциалистических странах. В последние годы было проведено много серьезных теоретико-эмпирических исследований во всех общественных науках, что позволяет более полно, надежно и многосторонне судить о том, что происходит в стране. Вместе с тем "область неведомого" остается очень широкой. К тому же на взглядах ученых существенно сказываются особенности политического мировоззрения — характер "призмы", через которую они разглядывают действительность. Поэтому о каком-либо единстве оценок хода и результатов трансформационного процесса пока еще говорить не приходится

Оценка современной общественной ситуации

Лично я оцениваю эти результаты пессимистично В самом деле, каковы главные результаты реформ?

В экономической сфере в основном завершен раздел и приватизация общественного богатства. Но это не привело к становлению рыночной демократии: командные высоты экономики монополизированы гигантскими полугосударственными корпорациями, преследующими свои корыстные интересы, а мелкий и средний бизнес попал в правовые и экономические тиски и не получил ожидаемого развития. Соответственно не заявил о себе новый тип собственника, заинтересованный в эффективном развитии производства. Массовые группы работников оказались еще более отчужденными от созданной ими собственности и бесправными, чем в советское

¹ Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под общей ред. акад. Т. И. Заславской. Вып. 1. М. Аспект-Пресс, 1994.

время. Трудовая мотивированность россиян не усилилась, а еще более ослабела. В результате производство не только резко сжалось, но и деградировало в структурном и технологическом отношении. Острейшие экономические противоречия, ведущие к углубляющемуся культурному расколу, существуют между столицами и провинцией, городом и селом, регионами экономического роста и хозяйственной депривации. Отрасли, ответственные за удовлетворение социальных нужд человека, которые в советское время обеспечивали пусть невысокое, но приемлемое качество жизни населения, ныне все более деградируют.

Под серьезной угрозой находятся, как мне кажется, и *демократические завоевания* времен "перестройки и гласности", связанные с расширением прав и свобод человека. Конституция 1993 г. предоставила исполнительной власти возможность грубо подмять представительную и судебную власти. Политическая демократия все в большей мере становится внешним оформлением авторитаризма. Коррупция не просто приобрела большое распространение, а оказалась органически встроенной в новую систему общественных отношений. По сравнению с концом 80-х годов заметно сузились свобода слова, границы гласности. Большинство средств массовой информации финансируется конкретными группами интересов и выполняет их указания. Восстанавливается политическая цензура, вновь закрываются некоторые архивные фонды, приоткрытые для ученых несколько лет назад. Источников независимой информации мало, и они труднодоступны, особенно в провинции.

Сложности экономического и политического развития концентрированно отражаются в социальной сфере России. Колоссально возросла поляризация общества: экономические и политические ресурсы правящих групп намного расширились, а остальной части общества существенно сузились. По расчетам ученых, 6—10% российских семей присваивают примерно 50% доходов и владеют 70—80% общественного богатства страны. Закрытие множества производств привело к возникновению массовой безработицы, прекратилась регулярная выплата зарплаты и пенсий, резко ухудшились условия социального обеспечения и социальной защиты населения. 20—30% семей терпят серьезные лишения, живут в разрушающихся домах, недоедают, болеют, преждевременно умирают. Периодически возникающие в связи с этим движения массового протеста не находят понимания и действенного отклика власти. Особенно тревожны тенденции, наблюдаемые применительно к молодым поколениям: падает рождаемость, ухудшается здоровье новорожденных, распространяются хронические заболевания детей, снижается здоровье призывников.

Состояние социальной сферы сегодня — болевая точка России. Нерешенность социальных проблем служит одним из главных факторов застойности кризиса экономики. Кажется, это начинает пониматься и властными структурами, которые пытаются привлечь ученых к обоснованию новой социальной стратегии. Поэтому мы и решили посвятить этот симпозиум в первую очередь проблемам развития социальной сферы и социальной политики.

Два понимания социальной сферы общества

В научной литературе встречаются две различных трактовки понятия социальная сфера общества. Согласно первой, социальная сфера отождествляется с *подсистемой общества*, которая обеспечивает воспроизводство, необходимое качество жизни, духовное и интеллектуальное развитие людей. Эта сфера охватывает институты семьи, образования и воспитания, труда и занятости, домашнего хозяйства, материального и духовного потребления, здравоохранения и спорта, культуры, искусства, науки.

Согласно альтернативному пониманию, под социальной сферой имеют в виду *систему отношений*, формирующих общественные неравенства и в конечном счете социальную структуру общества. В этом случае в центре внимания оказываются отношения между разными общественными группами, слоями, поколениями, тендерами, а также региональными, поселенческими, отраслевыми и иными социальными общностями. Понимаемая таким образом социальная сфера не образует специфического сегмента общественной жизнедеятельности, а выступает как сквозной аспект, или *социальное качество* каждого из таких сегментов, т.е. экономики, культуры и политики. Анализ социальных неравенств привлекает основное внимание к проблемам социальной справедливости, прав и свобод, дискриминации и стигматизации разных общественных групп, а также к соответствующим аспектам социальной политики. Формируя программу симпозиума, мы стремились включить в нее проблемы, связанные с обоими пониманиями социальной сферы, поскольку, несмотря на имеющееся различие, в конечном счете они отражают взаимодополняющие стороны одного явления.

Трансформационный процесс: сущность и результаты

Для обозначения процессов, протекавших в СССР и России с середины 80-х годов, использовались последовательно сменявшие друг друга понятия, начиная с ускорения и перестройки, кончая переходом и трансформацией. При этом каждая смена этих центральных понятий, как мне кажется, была шагом в сторону более

глубокого проникновение в сущность событий. В частности, наиболее употребительное сейчас понятие трансформация, как мне кажется, достаточно адекватно отражает такие важные качества переживаемого нами процесса, как: направленность на *изменение социального качества общества*, относительно *мирный эволюционный характер*, фундаментальная зависимость от *поведения, установок и интересов* не только элитных, но и *массовых общественных групп*, значительный уровень *стихийности*, ограниченная *управляемость и слабая предсказуемость* результатов.

Говоря о принципиальных целях и направлениях реформ, естественно поставить вопрос, *что именно трансформируется* в современной России и других постсоциалистических обществах. Ведь не выделив некоторого центрального объекта, на изменение которого направлены реформы, и применительно к которому следует оценивать их итоги, вряд ли можно говорить о какой-то стратегии. Мне представляется, что социальная трансформация захватывает три слоя общественного устройства. Наиболее доступным объектом целевой реформаторской деятельности служат *институты*, а именно институты, определяющие *социальный тип общества*. На мой взгляд, к их числу относятся институты власти, собственности, гражданского общества, прав и свобод человека. Причем прямому реформированию поддается только формальная административно-правовая часть этих институтов, в то время как их социокультурное основание может служить объектом лишь косвенного регулирования.

Более глубокий и менее управляемый слой общественного устройства представлен социальной структурой. Непосредственно реформировать ее невозможно, а желательных сдвигов в ней можно добиться лишь через преобразование соответствующих институтов. В то же время сдвиги в социальной структуре служат гораздо более содержательным, надежным и общественно значимым критерием оценки реформ, чем преобразование формально-правовых основ институтов.

Наконец, наиболее фундаментальным и потому стратегическим объектом преобразований служат социокультурные характеристики общества: структура доминирующих ценностей, потребностей, целевых ориентаций, мотиваций, норм и способов повседневной деятельности. Наиболее обоснованно судить о том, движется общество в направлении прогресса или в сторону деградации, можно по сдвигам в его культурных характеристиках. Эта точка зрения подробно развита, в частности, известным чешским социологом Павлом Махониным в его работе¹.

Machonin P. Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.

Из сказанного видно, что чем более глубинным является тот или иной "слой" общественного устройства, и чем более фундаментальную роль он играет, тем меньше происходящие в нем сдвиги зависят от управленческих решений властей и тем более важным является влияние, оказываемое на него "стохастическими" действиями миллионов людей.

Оценивая ход и результаты реформ, разные группы аналитиков опираются на качественно отличные друг от друга критерии. Представители правящего слоя и их окружение предпочитают использовать показатели, отражающие формальное преобразование институтов (принятие соответствующих законов, ужесточение процедур утверждения и реализации государственного бюджета, рост доли приватизированных предприятий и т.п.). Оппозиционно настроенные политики и журналисты чаще анализируют сдвиги в социальной структуре, социокультурные же перемены интересуют в первую очередь идеологов и ученых. В итоге результаты оценок оказываются не только разными, но и несопоставимыми. Обсуждая цели и средства социальной политики, это обстоятельство полезно иметь в виду.

Социальный механизм трансформационного процесса

Не менее важным в связи с этим представляется знание движущих сил и социального механизма трансформационных процессов. Ведь ясно, что фактическое преобразование общества происходит отнюдь не в результате принятия соответствующих законов или постановлений органами власти. Хотя эти постановления составляют необходимый элемент трансформации общества, их функция состоит не в том, чтобы непосредственно преобразовать те или иные институты во всей их сложности и многогранности, а в том, чтобы запустить, инициировать, направить в нужную сторону соответствующие многосубъектные общественные процессы, являющиеся единственной силой, реально преобразующей институты, а через их посредство социальную структуру и культуру.

Общий механизм реформирования и эволюции общественных институтов глубоко и детально исследован лауреатом Нобелевской премии 1993 г. Дугласом Нортом¹. Высказанные в рамках развиваемой им теории суждения о преобразовании институциональной структуры постсоциалистических стран представляются удивительно точными и дают богатую пищу для размышлений. Однако совокупность проблем, привлекающих основной интерес российских исследователей, составляет периферийный аспект институ-

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // Фонд экономической книги. "Начала". М., 1997.

циональной теории Д Норта. Поэтому конкретное изучение социального механизма трансформационных процессов в России остается нашей задачей. Я работаю в этом направлении довольно давно¹, причем обосновываемые мной идеи явно перекликаются с идеями Д.Норта². Важнейшими элементами социального механизма трансформации постсоциалистических обществ, с моей точки зрения, служат: а) целевая реформаторская деятельность, реализуемая преимущественно правящим слоем; б) инновационно-предпринимательская деятельность, главным субъектом которой является широко понимаемый средний слой; в) реактивно-адаптационное поведение массовых общественных групп и слоев.

Если отвлечься от личных интересов реформаторов (что, разумеется, служит большим упрощением), то стратегическую цель их деятельности можно определить как разработку, обоснование и организацию внедрения в жизнь "правил игры", побуждающих остальную часть общества действовать в сторону повышения эффективности общественного устройства. Это предполагает прежде всего стимулирование эффективной и легитимной социально-инновационной, в том числе предпринимательской деятельности во всех сферах и по всей периферии общества. Ведь только она способна обеспечить повсеместное повседневное преобразование социальной ткани общества путем практической апробации новых способов социальных действий, новых форм организации производства, новых путей удовлетворения потребностей и т.д.

Реформаторская (политико-правовая) и инновационно-предпринимательская деятельность относительно преуспевающих и наиболее активных слоев меняет условия жизнедеятельности (занятости, труда, образования, потребления) остальной части общества, либо стимулируя конструктивное и эффективное адаптационное поведение, либо вызывая социальный протест массовых общественных групп. В конечном счете именно характер реактивно-адаптационного поведения миллионов рядовых россиян приводит к реальному изменению массовых социальных практик, составляющему главную цель реформ. Ведь преобразование общественных институтов — не самоцель, а всего лишь средство экономической активизации населения, развития предпринимательства, повышения мотивированности работников к труду, ускорения роста квалификационного потенциала общества, научно-технического прогресса и т.д. Между тем поведенческие стратегии разных общественных групп зависят не только от проводимых правящим

¹ Исследование выполняется при поддержке Российского фонда гуманитарных исследований, проекты № 96-03-04520 и № 98-03-04172/

² Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5—21.

слоем институциональных реформ, но и от множества других обстоятельств. Поэтому действительные изменения социальных практик обычно оказываются совершенно иными, чем ожидалось, а иногда и противоположными. Это составляет еще одну сложность для разработки социальной политики и является стимулом к изучению механизмов трансформации институтов

Функции социальной политики

В стабильных ситуациях социальная политика призвана стимулировать всестороннее развитие человеческого потенциала общества, распространение эффективных способов и образцов экономического поведения, развитие социальных отраслей хозяйства, рост качества жизни населения и защищенности социально уязвимых слоев. Но в периоды глубоких социальных преобразований функции этой политики изменяются. Во-первых, трансформирующимся обществам приходится не столько организовывать рост, сколько *противостоять спонтанному падению* человеческого потенциала, *деградации* социальных отраслей экономики, *расширению* депривированных групп и слоев. Во-вторых, к традиционным функциям социальной политики добавляется новая — содействие сохранению и росту *социально-инновационного потенциала общества*, расширению социальной базы реформ, обеспечению заинтересованного участия граждан в преобразовании общественных отношений.

Уровень социально-инновационного потенциала отражает способность и готовность общества к радикальному преобразованию собственного устройства, своих основополагающих институтов и, соответственно, социальной структуры. Когда этот потенциал невысок, любые попытки реформирования системы наталкиваются на сопротивление общества, буксуют и в конце концов вырождаются. Между тем инновационный потенциал общества подвержен влиянию множества факторов, и его поддержание на должном уровне требует специальных усилий. Особенно важную роль здесь играет доверие граждан к политическим институтам, падение которого ведет к отчуждению общества от власти, неприятие ее идей, призывов и действий, исключаящее успешное развитие реформ.

К сожалению, российские политики 90-х годов были далеки от понимания социальных механизмов реформ. Они делали с обществом все что сами считали нужным, рассматривая обострение социальных проблем лишь как досадную помеху реализации "прогрессивных" макроэкономических замыслов. Их экономическая стратегия, как мне кажется, просто не включала продуманной социальной

политики. Поэтому в социальной сфере России, по сути, реализовались лишь косвенные последствия асоциальных реформ экономики. Стихийный характер социальных процессов оказал разрушительное влияние на социально-инновационный потенциал российского общества. Возникло массовое разочарование в демократии, упало доверие к ведущим политикам и к институтам власти, массовые группы стали рассматривать реформы как нечто чуждое и враждебное своим интересам, поднялись социально-протестные движения. Готовность же россиян конструктивно участвовать в социальной трансформации общества существенно снизилась.

Движущие силы трансформационного процесса

Среди факторов, влияющих на уровень и динамику инновационного потенциала общества, важная роль принадлежит социальной стратификации. По данным наших исследований, современное российское общество состоит из шести иерархических слоев. Это правящая политическая и экономическая элита (около 1%), верхний (субэлитный) слой (6—7%), средний (примерно 20%), базовый (более 60%), нижний слой (7%) и социальное дно (5% дееспособного населения РФ). Следует заметить, что эти цифры весьма приблизительны и отражают лишь общий тип стратификации.

Элита и субэлита представляют ту небольшую часть (7—8%) общества, которая крупно выиграла от радикальных реформ. Их нынешний статус очень высок, но вместе с тем недостаточно легитимен и надежен. Поэтому их главный интерес заключается в сохранении и укреплении достигнутого статуса, стабильность которого непосредственно зависит от утверждения, укоренения нового порядка вещей и от социального спокойствия общества. В силу этого верхние слои заинтересованы в преодолении экономического кризиса, укреплении правового порядка и создании условий, включающих социальные катаклизмы. Но в социальном плане эти слои слишком резко *противопоставлены* остальному обществу, чтобы стать его реальными лидерами. Политическая недалекость, *социальный эгоизм*, высокая коррумпированность, типично *временщический* тип поведения, увлеченность дворцовыми интригами и скандалами не только лишают эти слои доверия россиян, но и свидетельствуют об *ограниченности* их стратегического интеллектуально-реформаторского потенциала. В современном составе и качестве они не способны ни политически, ни культурно интегрировать усилия общества по возрождению России.

Средний слой в меньшей степени, чем элиты и субэлиты, противопоставлен основной части общества. Скорее, он концентрирует наиболее квалифицированную, дееспособную и активную

часть последней. Терпимое материальное положение этого слоя в значительной мере является результатом интенсивного квалифицированного труда и потому не вызывает такого протеста малообеспеченных групп, как роскошь и престижное потребление элиты. Средний слой России социально неоднороден и сравнительно невелик, но имеет тенденцию к росту: по нашим расчетам, за последние четыре года его доля в обществе увеличилась с 14 до 20—22%.

Сравнительно высокий квалификационный и деловой потенциал, важность выполняемых социальных ролей, относительная адаптированность к условиям рынка и сбалансированное социальное настроение позволяют рассматривать названный слой в качестве одной из потенциальных сил, способных содействовать становлению демократии, правопорядка и конкурентного рынка. Но, во-первых, особенности этого слоя пока еще очень слабо изучены, во-вторых, формирующие его социальные группы (интеллектуалы, предприниматели и среднее звено бюрократии) играют в трансформационном процессе принципиально разные роли. Наконец, нынешние условия в стране скорее препятствуют, чем помогают развитию инновационно-предпринимательской деятельности этого слоя.

Самый массивный общественный слой сосредоточивает в своем составе "средних россиян", или рядовых граждан России, поэтому мы называем его базовым. Материальное и социальное положение, а соответственно, и самоощущение, большинства его представителей очень тяжелое. Базовый слой в наибольшей мере испытывает последствия обострения социального неравенства и статусов, и возможностей. Именно его представители служат главными жертвами распространения безработицы и неполной занятости, систематических задержек и невыплат зарплаты, удорожания и меньшей доступности услуг, массовой депрофессионализации специалистов, снижения уровня и ухудшения качества жизни, ограничения возможностей получения хорошего образования и пр.

Созидательная и инновационная энергия этого слоя в современных условиях вынужденно расходуется на решение не крупных общественных, а сугубо личных проблем, связанных с выживанием, поддержанием минимально необходимого уровня жизни, семейной взаимопомощью. Социальное настроение базового слоя пессимистично, доверие к властям минимально, надежды на будущее слабы. В настоящее время данный слой не поддерживает идеи дальнейшей либерализации экономики, а все более решительно их отвергает. Что касается нижнего слоя общества, а тем более социального дна, то они представляют собой сферу нищеты, безнадежности, отчуждения и деградации. Представители этих слоев даже потенциально не могут рассматриваться как субъекты трансформации общества.

Таким образом, в результате реформ российское общество, важнейшими ценностями которого традиционно служили социальная справедливость и равенство, оказалось расколотым между полюсами бедности и богатства, как никогда глубоко отчужденных и социально, и культурно. К тому же за последние десять лет большинство общества очень устало, изверилось в своих политических лидерах и потеряло надежду на будущее. Не изменив этого положения, вряд ли есть смысл говорить о возрождении России, изменить же его очень трудно. Едва ли не единственным средством решения этой задачи служит реализация социальной политики, способной интегрировать общество, содействовать укреплению социальной базы реформ, росту инновационного потенциала общества.

Задачи социальной политики

В связи с этим можно выделить три задачи социально-управленческой деятельности. *Первая задача* заключается в преобразовании социальных отношений в сфере труда и занятости, особо важных для базового слоя общества. Речь идет об активной борьбе с безработицей, о расширении и реальном обеспечении социально-экономических прав трудящихся как в государственном, так и в частном секторах хозяйства, о создании необходимых условий для постепенного формирования социально-партнерских отношений между трудом и капиталом.

Вторая задача состоит в создании благоприятных институциональных условий для развития конструктивной и легитимной предпринимательской деятельности в реальной и социальной сферах экономики, равно как в структурах гражданского общества. Причем особо важно содействовать вовлечению в эту деятельность представителей базового слоя в целях придания ей массового характера.

Третья и наиболее трудная задача связана с необходимостью изменения характера реформаторской и управленческой деятельности правящего слоя в сторону ее легитимизации и демократизации. Необходимо восстановить коллективную и персональную ответственность представителей власти за содержание и эффективность принимаемых решений, за их прямые и косвенные последствия, постепенно преодолевать коррумпированность государственного аппарата, добиваться реального разделения власти и бизнеса, создавать систему независимого правосудия, способного вести борьбу с экономической преступностью.

Без решения этих задач восстановить доверие россиян к власти, на мой взгляд, невозможно. Но одних этих мер недостаточно. Чтобы вернуть доверие граждан, российская власть должна качественно изменить свои отношения с обществом и, в частности

выступить с честным анализом и оценкой допущенных ошибок и преступлений. Есть ли в современном политическом слое силы, способные на решение этих задач, покажет время. Наше же дело — формировать идейный, аналитический и информационный задел для того поколения политиков, которое всерьез и с полной ответственностью возьмется за возрождение России.